Е.В.Падучева

«Когнитивные» идеи в теоретической семантике

В лингвистической семантике в последние два десятилетия возник целый ряд новых идей, которые можно обобщить как когнитивные: язык рассматривается в контексте **когнитивной** деятельности человека, т.е. в контексте восприятия и осмысления действительности. Одно из важных изменений научной парадигмы состоит в возросшем внимании к **соотношению языкового выражения с действительностью**. Причем между действительностью и текстом стоит воспринимающий и мыслящий субъект.

Лингвистическая семантика до последнего времени оставалась в рамках соотношения между формой и смыслом языковых выражений. Третья вершина треугольника Фреге, денотат, т.е. внеязыковая реалия, оставалась вне поля зрения. Теория референции, которая бурно расцвела в 80-е годы прошлого века, была первой ласточкой в плане соотношения между языком и действительностью. Однако теория референции опиралась в основном на эндофорические отношения в тексте – на повторы и анафору. Теория референции дала мощный толчок развитию семантики местоимений, но не более того. Для основной массы слов и категорий их семантика продолжала оставаться собственно языковым смыслом.

Принципиально новой для современной теоретической семантики является идея о том, что смысл есть результат **концептуализации** действительности и, главное, что эта концептуализация может быть различной. Как пишет Ю.Д.Апресян, ясно не формулируемое и до конца не осознанное предположение семантики долгое время состояло в том, что языковое значение является непосредственным отражением фактов действительности.

Новый подход состоит в том, что смысл есть результат специальной – когнитивной – операции, концептуализации (осмысления), и что концепты одного и того же фрагмента действительности могут быть **различны**. Там, где раньше описание проходило на синтаксическом уровне, т.е. на уровне ограничений сочетаемости, сейчас обнаруживаются различия в концептуализации одной и той же ситуации. Оказывается, что конструкции, разные по форме, хотя бы они обозначают одну ситуацию, имеют разные значения, а сами ограничения сочетаемости имеют семантическое объяснение.

Когнитивный подход порождает новые перспективы изучения языка. Одно из обнаружений на этом пути – колоссальная роль компонента «восприятие» в языковых концептах слов и категорий, в частности, наличие в их семантике фигуры **наблюдателя**.

В докладе три раздела: три примера новых перспектив, которые открыла для себя лингвистическая семантика последних десятилетий.

Первый – денотация и концептуализация.

Второй касается роли наблюдателя.

Третий – о семантическом подходе к ограничениям сочетаемости.

Это именно выборочно три примера. Масса всего остается. Скажем, идея, важность которой трудно переоценить, – **таксономия** (иначе – онтология). В принципе, это тоже следствие включения реальности в компетенцию лингвистики, поскольку речь идет о классах (и иерархиях классов) сущностей, которые приписываются словам и становятся признаками слов. Таксономия вдохнула новую жизнь в понятие метафоры. Метафора – это, по определению Якобсона, разрушение исходной категориальной (= таксономической) принадлежности слова; семантическая деривация служит средством преодоления категориального диссонанса. Не меньшее значение имеет таксономия и

обращение к реальности для метонимии. В самом деле, метонимическая связь, т.е. связь по смежности, имеет место не между смыслами, а между объектами действительности. Но об этом не будет идти речь.

Или о роли **языковой модели мира** в выборе концептуализации. Разные языки по-разному концептуализуют состояние страха, ощущение счастья и даже причинную связь. Или взять неопределенность как доминанту русской модели мира; непереводимость неопределенности. Ю.Д.Апресян пишет: «Языковые значения можно связывать с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной картины мира, как она представлена в данном языке. » [16: 630] Об этом тоже не будет идти речь.

Или о семантике **фокуса внимания**: именно сдвиг фокуса внимания является главным источником различия между разными концептуализациями одной и той же внеязыковой ситуации. И об этом не будет идти речь.

I. Денотация и концептуализация

Итак, до последнего времени в лингвистике всерьез принималось во внимание только соотношение между формой и смыслом. Но постепенно в компетенцию лингвистики постепенно входит третья вершина треугольника Фреге – денотат; все чаще значение выступает не только как **смысл** по отношению к форме языкового выражения, но и, по Фреге, как **концепт** по отношению к внеязыковому объекту (по Черчу); входит в обиход понятие к о н ц е п т у а л и з а ц и я ситуации. У А.Вежбицкой, наряду с термином “семантическая структура” (высказывания, предложения, текста) появляется термин “концептуальная структура”. Концептуальную структуру естественно считать результатом языковой концептуализации реальности – какого-то ее фрагмента.

Термин концептуальная структура подчеркивает некую произвольность связи между действительностью и ее отражением в языке. Эту произвольность надо считать определяющей для новой лингвистической парадигмы постхомскианского периода.

Пример:

а. Иван полюбил Марию; б. Моя дочь связалась с негодяем.

Разные концептуализации одной и той же ситуации. Один из первых лингвистически содержательных примеров на эту тему – из работы А.Д.Шмелева 80-х годов:

(а) Вы написали *безусловно интересную работу*;

(б) *Работа, которую Вы написали*, безусловно интересная.

Один и тот же объект, в одной и той же ситуации, может быть referred to как определенный или как неопределенный. Выбор концептуализации – за говорящим.

Еще один пример на эту тему – так наз. <u>конкуренция видов</u>. Сов. вид и несов. общефактический часто возможны в одной и той же ситуации, что позволяло говорить о конкуренции видов: произвольный выбор. Но при отказе от денотативного подхода к семантике этих форм в конечном счете оказалось, что эти формы имеют разные значения, и выбор зависит от того, что говорящий хочет сказать: какой концепт он хочет сопоставить данной ситуации. Так что конкуренция видов – это различие в концептуализации ситуации.

На денотативном уровне ситуация, обозначаемая глаголом СВ и НСВ ОФ, одна и та же (Плунгян 2004). Термин «конкуренция» в этом смысле неудачен, поскольку предполагает равнозначность. Тождество обозначаемых ситуаций вообще мало о чем говорит. Скажем, семантика слов *еще* и *уже* никак не отражается на денотативном уровне: в одной и той же ситуации можно сказать: *Он еще спит* и *Он уже спит*.

Кардинальный вклад в семантику вида вносит понятие точки отсчета по Рейхенбаху

(она же – позиция Наблюдателя). НСВ ОФ отличается от НСВ акт. как ретроспективное от синхронного. А с СВ совпадает. Остается несколько различий:

• СВ предполагает ожидание, а у НСВ ретроспективного нет этого компонента:

(1) а. Такси вызывали? б. Вы вызвали такси?

(2) а. Вам звонили;

б. Вам позвонили [‘ожидалось, что позвонят’];

в. *Вам кто-то позвонил (→ Вам кто-то звонил).

• В семантике СВ достижение результата ассертивный компнент, а в семантике НСВ – импликатура; однозначно только у моментальных:

(3) находил, приходил.

• В семантике СВ, по умолчанию, состояние актуально в МР, а в семантику НСВ ОФ входит компонент «разобщенность»:

а. Мне *предложили* написать на нее рецензию;

б. Мне *предлагали* написать на нее рецензию [я отказался].

• В семантику СВ входит компонент единичность, а в НСВ ОФ – кратность:

а. Вы ему *звонили* <когда-нибудь; хоть раз>; б. Вы ему *позвонили*?

• В семантику НСВ ОФ (ретроспективного) входит неопределенность времени совершения действия (Гловинская 1982) – как и несовершения. Отсюда:

а. Иван Грозный *не убивал* своего сына.

б. *Прошло ровно четыреста лет с того дня, когда Иван Грозный *не убивал* своего сына. (из фельетона Дм. Быкова)

В отрицательном контексте: для глаголов, которые я называю конативами (т.е. допускающих безрезультатную попытку), противопоставление совершенно ясное. Ср., например,

не решил ≠ не решал; *не решил* предполагает ‘пытался’ (ср. Апресян 1980).

Понятие “конкуренция видов”, мне бы казалось, сейчас должно выйти из употребления: почему не обычное “противопоставление”? Сейчас, когда ясно, что язык не обозначает (денотативная семантика отошла в прошлое), а к о н ц е п т у а л и з у е т действительность!

II. Глаголы со встроенным наблюдателем. Наблюдатель в генитивной конструкции с глаголом *быть*

Осознание непрямой связи между действительностью и ее отражением в языке заставило более внимательно отнестись к лингвистической семантике восприятия. Восприятие – это компонент, пронизывающий насквозь семантику слов, граммем и синтаксических конструкций. Так, в русском языке есть воспринимаемое существование и местонахождение (*появился*); воспринимаемое движение (*мелькает*) и даже воспринимаемое восприятие (*уставился*). Якобсон по сходному поводу пишет о возможном “метонимическом присутствии” в концепте ситуации говорящего-наблюдателя. Особого внимания заслуживает «наблюдаемое отсутствие».

В Арутюнова 1976 и Babby 1980 считалось, что генитивом отрицания оформляется субъект бытийного предложения, у которого субъект нереферентный (как в *Сомнений не возникло*). И в таком случае генитив референтного субъекта при глаголе *быть* в локативном значении был исключением из семантических в общем правил выбора падежа, предлагавшихся в этих работах:

(1) *Ивана* нет (не было) в Москве [рефернтность Ивана не подвергается сомнению].

В Падучева 1992 было показано, что в конструкции с родительным субъекта в отрицательном предложении мы имеем дело с Наблюдателем. Это такой же

Наблюдатель, как тот, который был выявлен в Апресян 1986 в семантике *показаться*: субъект восприятия, занимающий определенное место в пространстве ситуации. (Хотя и не диатетического происхождения.) И его наличие доказывается тем же приемом – через аномалию предложения с субъектом 1 лица в речевом режиме:

(2) а. **Меня* нет дома [речевой режим]; ср. Я не дома.

б. Приходит Иван, а *меня* нет дома [нарратив];

в. Ему сказали, что *меня* нет дома [гипотаксический режим].

«*Меня* нет дома» возможно как несобственная прямая речь: как то, что про меня должен сказать – в том же месте – другой; он употребит, естественно, другую номинацию.

В связи с генитивным субъектом *быть* в Апресян 1985 рассматривался пример:

(3) а. *Отца* не было на море;

б. *Отец* не был на море;

Анализировался на дескриптивном уровне – в духе структурализма, как зависимость между падежом субъекта и видовым значением глагола: если номинатив, то общефактическое (ОФ) значение, если генитив, то обычно акт.-длит.

В Падучева 1992 было предложено решение на семантическом уровне. Различены два *быть*: локализации, (3а), и перемещения, (3б). Лексеме *быть* перемещения свойствен номинатив и ОФ значение; а *быть* локализации предполагает Наблюдателя в ситуации отсутствия – наличие которого и кодирует субъект в генитиве (значение вида не обязательно акт., ср. *Меня не было дома*). Номинативный субъект у *быть* локализации был признан невозможным и предложение *Иван в этот момент не был в зале* недопустимым.

В работах Борщев, Парти 2002 и др. предлагается несколько иной подход к описанию структуры предложений с глаголом *быть*. Авторы исходят из того что бытийные предложения, **в принципе**, допускают две перспективы: центром перспективы может быть либо Место (тогда субъект в генитиве), либо Вещь (тогда субъект в номинативе). Наиболее естественная для предложений с локативным *быть* перспектива – с центром в Месте (и, соответственно, с генитивом). Однако в конце концов В.Б.Борщевым был найден прагматически обоснованный пример, когда допустима и перспектива с центром в Вещи – соответственно, с номинативным субъектом:

(4) Коля не был в зале, когда выключили свет.

Если вернуться теперь к фигуре Наблюдателя (которая, как мне представляется, обеспечивает большую наглядность), то семантику противопоставления генитива и номинатива в предложениях с локативным *быть* можно представить следующим образом:

а) <u>генитив</u> при локативном *быть* означает, что Наблюдатель находится в ситуации отсутствия:

(4а) *Коли* не было в зале, когда выключили свет [предполагается, ‘я, Наблюдатель, был’].

б) <u>номинатив</u> означает, что Наблюдатель не находится в ситуации отсутствия:

(4б) *Коля* не был в зале, когда *там* выключили свет [я, как и Коля, не был; это подчеркивает дальний дейксис: *там*].

Показательны предложения с субъектом *я*:

(5) *Меня* не было дома, когда прорвало отопление [*Я не был дома* возможно, но хуже, поскольку человек мыслит себя в своем доме даже когда его там нет];

В примере (6) Говорящий неестествен как Наблюдатель отсутствия:

(6) **Меня* не было здесь два года.

А в (7) Говорящий может быть наблюдателем, а фраза (8б) осознается как неполная:

(7) а. Два года назад *меня* здесь еще не было [Говорящий – Наблюдатель отсутствия];

б. *Тебя* не было здесь два года [Говорящий – Наблюдатель].

В (8) генитив совместим с эллипсисом Места, а номинатив – нет. И не удивительно:

в (8а) Место задается тем, что в нем присутствует Наблюдатель

(8) а. Она говорит, что *меня* не было два часа;

б. *Она говорит, что *я* не был два часа.

В (9) генитив показывает, что говорящий не считает Москву своим постоянным местопребыванием:

(9) Я не был в тот момент в Москве, но смотрел митинг по телевизору (Perelmutter 2005).

(10) а. Ты не был в Нью-Йорке 11 сентября?

б. *Тебя не было в Нью-Йорке 11 сентября?

в. Тебя там не было, а я был.

Примеры (11) и (12) показывают, однако, что осознание семантики противопоставления утрачивается. При этом в сфере объекта побеждает аккузатив, а в сфере субъекта общим знаменателем норовит быть генитив:

(11) **Меня* нет в офисе [отвечает женщина клиенту, который задает ей по мобильнику какой-то вопрос].

(12) *Ты выглядишь так, как если бы *тебя* не было на улице две недели (пример из переводного романа; предложен Т.Е.Янко).

Концепт «наблюдаемое отсутствие» позволил произвести семантическое сближение генитива субъекта и объекта. Генитив объекта тоже может выражать не только нереферентность, но и «наблюдаемое отсутствие», причем тут Наблюдатель в кадре – он выражен подлежащим:

(13) а. Я не вижу *Маши* [видимо, ее здесь нет];

б. Подвинься, а то я не вижу *Машу* [Маша здесь, отрицается только восприятие].

Концепт «наблюдаемое отсутствие» позволил уточнить семантику генитива: исчезли сложности, связанные с первыми попытками семантизации генитива, когда от ИГ субъекта в генитиве требовалась нереферентность: там, где за семантику генитива отвечает не существование, а восприятие, нереферентность не обязательна.

Вернулись к Апресян (который допускал акт. значение у *быть* с генитивным субъектом, но уже на уровне объяснительной адекватности (по Хомскому).

III. Семантический подход к ограничениям сочетаемости

Еще одна идея, пришедшая в современную теоретическую семантику из когнитивного сообщества, – это **динамичность языкового значения**, его порождение контекстом – вплоть до возможности предсказания данного изменения значения в данном контексте.

Объяснительная адекватность в области описания сочетаемости: объяснение конкретного случая (самой возможности сочетания и результирующего смысла) на базе общих правил.

В свое время Филлмор показал, какое применение в лексической семантике может получить противопоставление ассерция – пресуппозиция. Меньшую, но все-таки большую роль в сочетаемости играет свойство семантического компонента, которое можно назвать **фокализацией** (в Падучева 2004 используется неудачный термин тематическое выделение).

Фокализованный – значит составляющий сферу действия некоторого модификатора. При наличии в семантике слова фокализованного компонента другие могут быть недоступны для внешних модификаторов (т.е. выраженных с помощью подчиненных слов). Несколько примеров.

(1) а. плотно *закрыл* дверь; б. *плотно *захлопнул* дверь.

а. *закрыл* <дверь> =

компонент I, «действие»: ‘X приводил Y в контакт с Z’;
компонент II, «результат»: ‘есть контакт’.

В контексте X *плотно закрыл* <дверь> = ‘контакт плотный’; *плотно* – модификатор компонента II.

б. *захлопнул* дверь =
компонент I, «действие»: ‘X приводил Y в контакт с Z’;
компонент II, «результат»: ‘есть контакт’;
компонент III, модификация компонента I: ‘действие совершалось резким движением; возможно, сопровождалось звуком’.

В семантике *захлопнуть* компонент I фокализован, поскольку он имеет модификатор. Отсюда невозможность модификаторов, относящихся к компоненту II, и недопустимое (1б).

Аналогичное воздействие оказывает внешний модификатор, относящийся к одному из компонентов семантики слова. Внешний модификатор, относящийся к одному из компонентов, может сделать другой компонент недоступным для внешней модификации. Пример.

(2) а. Окно было открыто *пятнадцать минут*;
б. Окно было открыто *час назад*;
в. *Окно было открыто *час назад пятнадцать минут*.

В (2б) модификатор вызывает фокализацию событийного компонента, что исключает модификацию статального; отсюда аномалия в (2в).

Понятие фокализации можно применить к анализу формы статального перфекта и дополнить то описание, которое в свое время дал этой форме Ю.С.Маслов.

Связочная форма – это обычный СВ (перфектив); у нее в фокусе может быть и статальный компонент, и событийный:

(3) а. В этот момент окно *было открыто* ⟨и в комнату ворвался ветер⟩ = ‘на данный момент приходится действие открывания’ [в фокусе событие];
б. В этот момент окно *было открыто* ⟨и мы наслаждались прохладой вечера⟩ = ‘в данный момент окно пребывало в открытом состоянии’ [в фокусе состояние].

А бессвязочная форма – это статальный перфект; для нее основное понимание – статальное, она обозначает состояние, которое актуально в МР. Поэтому начальная фраза стихотворения Лермонтова “Бородино” не выражает в современном языке того смысла, который имелся в виду Лермонтовым:

(4) – Скажи-ка, дядя, ведь не даром / Москва, спаленная пожаром, /Французу *отдана*? (пример из Падучева 2004)

Другой пример (из Маслов 1983):

(5) а. *Он увидел телегу и понял, что она *сломана* и после починена.
б. Он увидел телегу и понял, что она *была сломана* и после починена.

Модификатор, относящийся к событийному значению (и фокализующий его), в принципе, возможен, но это для прич. пасс. вынужденное употребление:

(6) Часы *сломаны* еще <u>в прошлом году</u>;
Дыня *съедена* <u>за обедом</u>;
Сумка *потеряна* <u>при переезде.</u>

Будем исходить из того, что бессвязочная форма – это форма наст. пасс. Тогда:

(1) а. Вчера картина *была продана*; б. *<u>Вчера</u> картина *продана*.

Но остается следующее недоумение: если дело во времени, то почему при постпозиции обстоятельства времени становятся возможны обе формы – не только прош. *была продана*, но и наст. *продана*:

(2) а. Картина *была продана* вчера; б. Картина *продана* вчера.

В примере (3) обстоятельство выражает наст. время, время обстоятельства согласовано с временем сказуемого (настоящим), так что (3), в отличие от (1б), правильно:

(3) В настоящий момент замок *сломан*.

Но это не объясняет, почему допустимо (2б).

Рассмотрим (4); прич.пасс. возможно в контексте агентивного дополнения (*грабителями*), которое «выжимает» из прич.пасс. событийное значение – прич.пасс. здесь обозначает действие – т.е. событие – в прошлом:

(4) Замок *сломан* грабителями.

Агентивное дополнение обеспечивает фокализацию событийного компонента, что, согласно определению фокализации, исключает модификатор, относящийся к статальному:

(5) *В настоящий момент замок *сломан* грабителями.

Пример (4) дает ключ к искомому (2б). Рематическое обстоятельство времени действует так же: оно «выжимает» из прич.пасс. событийное значение, а событие могло произойти вчера:

(6) Замок *сломан* вчера; (2б) Картина продана вчера.

Отчего такая разница? Препозитивное (тематическое) обстоятельство времени фиксирует в предложении **синхронную позицию наблюдателя** (Падучева 1986 и 1996: 14, 42) –

(7) В два часа дня мы *сидели* в ресторане (ср. «Что вы делали в два часа дня?») –

и требует предиката, обозначающего состояние или процесс; и находит требуемое в лице статального перфекта. И в этом контексте естественно реализуется статальное значение прич. пасс., в результате чего (3) допустимо, а (2б) – нет. А рематическое не имеет этой семантики.

Итак, семантика статального перфекта совместима с фокализацией событийного компонента (поскольку он может иметь модификаторы).

Примеры (2б) и (6) выявляют еще один аспект значения статального перфекта, который не был замечен Масловым. Он более очевиден на примере (9), который синтаксически им полностью подобен:

(9) Церковь Спаса на Нередице *разрушена* во время второй мировой войны.

Предложение (9) воспринимается как ложное: сейчас церковь восстановлена. Это значит, что в (2б) фокализован не только событийный компонент (он имеет внешний модификатор), но и статальный – семантика бессвязочной формы характеризует его как актуальный в момент речи.

Видимо, внутренняя модификация (порождаемая перфектной семантики формы) дает более слабую фокализацию, чем внешняя; так, (5') невозможно так же, как (5):

(5') *В настоящий момент замок *сломан* вчера.

При этом у перфектива фокализация (актуализация) событийного компонента подавляет статальный, а у перфекта – нет; в (11) противоречие служит источником аномалии:

(10) *Телега *сломана* два дня назад, но сегодня ее починили.

NB. Пенициллин был открыт в 1929 году английским микробиологом А.Флеммингом.

Теперь мы можем сравнить перфект и перфектив.

1. а. Если перфект: предложение (11б), с обстоятельством, и (11а), без него, в равной мере означают, что состояние актуально в настоящий момент:

(11) а. Телега *сломана*; б. Телега *сломана* два дня назад.

б. Если перфектив: Предложение (12а) означает, что телега сейчас сломана, а (12б) – нет:

(12) а. Телегу *сломали*; б. Телегу *сломали* два дня назад.

Предложение (2а), с прош. временем, и (2б), с наст., несмотря на то, что сказуемое в них имеет разное время, синонимичны. И непонятно, как могло бы быть иначе.

П р и м е ч а н и е . Не факт, что все глаголы и все обстоятельства времени полностью одинаковы. Событийное значение иногда возникает и при препозитивном обстоятельстве:

(13) Вчера *ограблен* банк на Мясницкой.

(13') *Вчера банк на Мясницкой *ограблен*.

(14) Несколько минут назад картина *доставлена* в Музей.

Сейчас есть два способа подняться над уровнем дескриптивной адекватности.

I. показать, что разным конструкциям соответствуют разные значения – это мы показали на примере «конкуренции видов» и б) «генитив vs. номинатив в отрицательном предложении»; в обоих случаях одной и той же ситуации соответствуют разные концепты;

II. ограничения сочетаемости имеют семантическое объяснение.

Литература

Маслов Ю.С. Перфектность. // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987, 195-209.

Маслов Ю. С. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций / Отв. ред. В. П. Недялков. Л.: Наука, 1983. С. 149–160.

Плунгян В.А. К дискурсивному описанию аспектуальных показателей. // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию профессора В.С.Храковского. М.: 2004, 390-411.